

Чжиян выразил сильный протест против этого распределения по группам.

Но это было решение продюсеров, и под пристальным взглядом множества камер в гостиной он не мог позволить себе устроить истерику. Ему пришлось искать другие способы.

- Может, мы будем меняться? - Чжиян, с растрепанными волосами, предложил. - В понедельник, среду и пятницу я сплю с Сяои, а во вторник, четверг и субботу меняемся обратно. Это же справедливо?

Цинь Июй улыбнулся и с серьезным видом спросил:

- А в понедельник, среду и пятницу ты будешь называть меня папой, а во вторник, четверг и субботу я буду называть тебя папой?

- Ты!..

- Что? - Цинь Июй подмигнул. - Разве это не справедливо?

Чжиян скрипел зубами:

- Цинь Июй...

- Ну что? Я просто последовал твоему методу.

Пока они спорили, Наньи незаметно подошел и сунул каждому в рот по маленькому булочке.

Мир мгновенно затих.

- Второй коробки для распределения по группам нет, - Янь Цзи пожал плечами, обращаясь к Чжияну. - Если ты действительно не хочешь жить в одной комнате со мной, я могу спать в гостиной. Диван тоже неплох.

Чжиян тут же вынул булочку изо рта и начал объяснять:

- Я не это имел в виду...

Наньи едва сдержал смех.

- Просто я с детства спал с Сяои, привык, - тихо сказал Чжиян.

- С детства? Вы так давно знакомы? - спросил Янь Цзи.

- Жили в соседних домах, - пояснил Наньи. - Чжиян часто приходил ко мне есть, делал уроки, а если вечером нечего было делать, оставался ночевать.

Цинь Июй ехидно заметил:

- Как счастливо.

Чжиян огрызнулся:

- Заткнись уже!

Янь Цзи кивнул:

- Ничего страшного. Раньше я часто засыпал на диване, когда задерживался на работе.

- Не надо! - Чжиян не выносил, когда кто-то жертвовал собой ради него. - Кто сказал, что ты будешь спать на диване? Это же не работа! Даже если в комнате только одна кровать, я не позволю тебе спать на диване!

Цинь Июй, продолжая жевать булочку, украдкой показал Янь Цзи большой палец вверх.

Янь Цзи сдержанно улыбнулся, а затем, взглянув на руку Цинь Июя, наконец задал вопрос:

- Июй, я давно хотел спросить: татуировки на твоей шее и руке имеют какое-то особое значение?

Значение.

Почему-то первым делом Цинь Июй посмотрел на Наньи.

Это было как будто предательство тела по отношению к разуму - без согласия и без понимания причины.

Совершенно непонятно.

Он решил начать с татуировки на руке.

- Когда я учился в старшей школе, я очень любил спать и часто дремал в разных местах. Но больше всего мне нравилось спать в одной из аудиторий, рядом с музыкальным классом в нашем художественном корпусе.

- В той комнате было огромное окно, разделенное рамой на множество секций. За окном росло большое и ухоженное дерево магнолии, даже красивее, чем те два в Летнем дворце. Каждую весну оно цвело, и окно превращалось в снегопад - белоснежный, ослепительный, когда дул ветер.

Его описание было настолько ярким, что Наньи почти видел эту картину перед глазами.

Но потом он подумал, что, возможно, это не из-за описания, а потому что он сам видел это.

Цветы были так прекрасны, белоснежные, ослепительные, качающиеся на ветру, а на столе и стенах - мягкие тени, и вся комната превращалась в дно бассейна, где играют свет и тени.

Как сон.

- Летом цветы опадали, и оставались только густые зеленые листья.

Он улыбнулся и посмотрел на остальных:

- Вам не кажется, что дерево магнолии очень интересное? Когда оно цветет, на нем нет ни одного листа, а когда листья полностью покрывают дерево, на нем уже нет ни одного цветка.

Его взгляд устремился вдаль, стал пустым, погруженным в воспоминания.

- Мне кажется, что многие люди и события в этом мире похожи на цветы и листья магнолии. Они находятся в одном месте, но никогда не встречаются, просто пропускают друг друга.

- В последние пару лет мне часто снится та комната, то окно, заполненное цветами. Не знаю почему, может, это какой-то знак, поэтому я и решил сделать татуировку на руке.

И она также скрыла шрамы от аварии.

Чжиян слушал эти слова, но его взгляд постоянно блуждал в сторону Наньи.

Как друг детства, он хорошо знал, что Наньи и Цинь Июй учились в одной школе. На столе Наньи была нарисована картина – то самое окно с магнолией. Чжиян видел ее, это был рисунок Наньи.

Разве это не общее воспоминание? Он пытался взглядом подтолкнуть Наньи, чтобы тот присоединился к разговору.

Разве это не сблизит их?

Но Наньи молчал, словно ничего не знающий посторонний.

Он не хотел раскрывать это общее «прошлое».

Голос Цинь Июя звучал вокруг, слова падали в уши Нань И, и он погружался в какое-то необъяснимое чувство, становясь все более молчаливым. Остальные слова перестали доходить до него, они были размытыми, то далекими, то близкими, пока Цинь Июй не начал говорить о татуировке на шее.

- Это слово на немецком – «Sternstunde». Вы читали «Звездные часы человечества»? В предисловии Цвейг называет те драматические, переломные моменты в истории человечества «sternstunden» – мгновения, когда загораются звезды. Или, если перевести иначе...

Он говорил, и его взгляд упал на Наньи. В его всегда улыбающихся глазах мелькнула хитринка.

Необъяснимое чувство соперничества начало брать верх, и Цинь Июй скрыл тот момент, который знал только он, словно играя в бутылочку, направляя ее горлышко на Наньи, чтобы увидеть, как тот отреагирует.

Никто не знает, что я сделал эту татуировку из-за тебя.

Но я хочу, чтобы другие знали, что ты назвал группу в честь меня.

- Звездные мгновения.

Но все пошло совсем не так, как он ожидал.

Янь Цзи оказался единственным, кто удивился, но из-за его спокойного характера даже его удивление выглядело слишком сдержанным.

- Так вот откуда взялось название нашей группы.

Обычная реакция.

И это сильно снизило чувство удовлетворения Цинь Июя.

Чжиян пожал плечами:

- Я догадался об этом, когда увидел, как Сяои заполнял форму.

Назвать свою группу в честь татуировки на шее кумира – это ведь жест, который мог сделать только настоящий фанат. Но тот, кто принял это решение, был настолько крут, что не испытывал ни капли смущения или паники.

Он снял очки, поднял руку, и его длинные пальцы пробрались сквозь черные волосы, собрав половину в полу хвост. Его голос звучал спокойно:

- В тот момент я не мог придумать ничего подходящего. Немецкие слова легко перепутать, а эти четыре иероглифа оказались в самый раз.

Он был слишком спокоен.

И чем спокойнее он был, тем больше это интересовало Цинь Июя.

Этот человек, казалось, был холоден и равнодушен, но откуда тогда взялась такая страсть, направленная именно на него? Нет, это не страсть. Наньи вообще не был связан с такими понятиями.

Это была одержимость.

Он нашел подходящее слово, но так и не понял, что двигало Наньи. Это было настолько любопытно, что даже просто находиться рядом с ним, просто смотреть на него, было уже интересно.

Итак, через двенадцать минут после того, как они остались наедине в спальне, Наньи наконец не выдержал этого пристального взгляда и больше не мог притворяться, что не замечает его. Он закрыл дверцу шкафа, облокотился на нее и посмотрел на Цинь Июя:

- Ты хотел что-то сказать?

Сказать? Цинь Июй нахмурился.

У него было полно слов, но в этот момент он не мог подобрать ни одного, как клоун, который жонглирует множеством шаров, но вдруг теряет один и замирает в растерянности.

Наньи слегка наклонил голову, словно спрашивая, что же он хочет.

- Ах да, - наконец вспомнил Цинь Июй.

Перед тем как заговорить, он осмотрелся, убедившись, что в спальне действительно нет камер, и только тогда произнес:

- Эти бандиты, которые приходили требовать долги, это ты устроил, чтобы их проучили?

Наньи, который уже заранее уточнил у персонала расположение камер, знал, что в спальне их нет.

Его выражение лица почти не изменилось, и он спокойно признался:

- Да, это я.

- Где ты нашел таких людей? - Цинь Июй скрестил руки на груди, облокотившись на стену. -

Только не говори, что тебе еще нет восемнадцати, но ты уже семнадцать лет крутишься в бандитских кругах, маленький гангстер.

Наньи, кажется, рассмеялся, уголок его рта слегка приподнялся. Цинь Июй внезапно сделал важное открытие. Он подошел к Наньи, резко приблизившись:

- Оказывается, у тебя есть ямочка на щеке.

Его приближение всегда было лишено чувства дистанции. В один момент он мог оказаться прямо перед тобой, нос к носу. Когда он улыбался, его глаза сужались, а длинные ресницы полу прикрывали зрачки, скрывая эмоции в глубине.

- Улыбнись еще раз, - легкомысленно сказал Цинь Июй, с ноткой подстрекательства.

Наньи не стал этого делать.

Он объяснил предыдущий вопрос:

- В начале года, во время каникул, я катался на велосипеде в горах и на повороте в Мяофэншане случайно увидел аварию. Тот парень был без сознания, я помог ему и отвез в больницу. Когда он очнулся, он хотел дать мне деньги, но я отказался. Он оказался очень благодарным и сказал, что если в Пекине у меня будут проблемы, я могу обратиться к нему.

Цинь Июй рассмеялся, подумав, что этот парень с таким каменным лицом на самом деле очень добрый, всегда помогает людям, словно Бэтмен в свободное время.

- И что? Он теперь всегда тебя прикрывает? Помогает разбираться с людьми?

Наньи говорил спокойно, словно рассказывал о чем-то постороннем:

- Всего два раза. Один раз из-за тебя.

- А второй? - с любопытством спросил Цинь Июй.

- Мое личное дело, - Наньи не стал раскрывать подробностей.

Цинь Июй не стал настаивать, только улыбнулся:

- Этот парень действительно классный, готов помочь в трудную минуту. Видно, что ты ему нравишься.

Наньи добавил:

- После выписки он пригласил меня на ужин, позвал много людей. Тогда я узнал, что у него есть младший брат, которого родители очень любят. Он всего на год младше меня. И его брат сказал, что знает меня и спросил, помню ли я его.

Цинь Июй широко раскрыл глаза:

- Вот это совпадение.

- Да, - Наньи сделал паузу. - Он учился в школе в Ганчэне, в той же, что и я. Он сказал, что когда-то я помог ему, когда его обижали.

- Ты помог ребенку и даже не помнишь этого? - засмеялся Цинь Июй.

Ты тоже, подумал Наньи, и не один раз.

- По твоему акценту я думал, что ты из Пекина, а оказалось, что ты учился в Ганчэне, - Цинь Июй смотрел ему в глаза.

Наньи тоже посмотрел на него, на секунду задумавшись, и просто ответил:

- Там была старшая школа.

Цинь Июй наконец устал от игры в вопросы.

Но Наньи, как обычно, говорил только половину правды. Например, что он учился в средней школе в Пекине, в той же, что и Цинь Июй, но потом перевелся.

Или что история о помощи была не такой уж случайной.

Это он, вскоре после того, как помог тому мальчику, собственными глазами увидел, как его старший брат, Чоу Шэн, пришел в школу с людьми и жестоко наказал тех подонков.

От других он узнал, что Чоу Шэн много лет крутился в Пекине и любил мотоциклы - это был именно тот человек, который ему сейчас нужен. Наньи нашел способ узнать о его клубе мотоциклистов, изучил все их встречи в интернете и, наконец, выяснил, что каждую пятницу утром Чоу Шэн любил кататься в одиночку по Мяофэншану.

Он следил за ним три раза, ждал на тех же поворотах, на том же расстоянии, и все это, вместе с холодным северным ветром, врезалось в его память.

На четвертый раз он опоздал на несколько минут из-за других дел и чуть не упустил его, но именно тогда Чоу Шэн попал в аварию.

Он хотел просто сблизиться, но случайно спас ему жизнь, и так завязал эту связь.

В огромной сети, которую Наньи плел годами, это был важный узел. Ему нужен был человек, который помог бы ему разобраться с некоторыми вещами и людьми.

Не то чтобы он боялся, что его секрет раскроют, или не хотел, чтобы его истинное лицо стало известно, но перед Цинь Июем он инстинктивно скрывал эти детали, играя роль безобидного, одержимого «фаната».

- Я заметил, что ты часто витаешь в облаках, словно думаешь о чем-то важном, - вдруг сказал Цинь Июй, сидя за столом и подпирая голову рукой. - О чем ты думаешь?

- Ни о чем, - ответил Наньи.

Цинь Июй рассмеялся:

- Значит, просто пытаешься выглядеть круто.

Наньи тоже улыбнулся, медленно кивнув:

- Ладно, пусть будет так.

И снова появилась та маленькая ямочка на щеке. Забавно, что она только с одной стороны, словно его улыбка была лишь наполовину искренней.

Цинь Июй с серьезным видом продолжил нести чушь:

- Я иногда тоже витаю в облаках, и в такие моменты думаю об убийствах.

Наньи рассмеялся еще сильнее, его плечи слегка дрожали, словно он действительно был счастлив. Через некоторое время он успокоился и спокойно сказал:

- Тогда я тоже думаю об убийствах.

- Не повторяй за мной, - Цинь Июй даже не заметил, что его голос звучал как капризный. - Я серьезно.

Улыбка Наньи полностью исчезла. Его светлые глаза стали яркими и острыми, словно наполненными осколками стекла.

- Я тоже серьезно.

<http://bllate.org/book/14694/1313148>